

УДК 343.01

Пикина Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия

e-mail: vipikin@mail.ru

НЕПРАВОМЕРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: в статье автором исследуется практика применения норм современного законодательства органами государственной власти, в части касающейся ограничений правового статуса. В ходе своего исследования, на примере рассмотрения законодательства, регулирующего наступление ответственности за преступления экстремисткой направленности, автор приводит доводы, свидетельствующие о необходимости точного закрепления в законе определения «экстремизм», мотива и целей совершений преступлений экстремисткой направленности. Данные нововведения необходимы для единства понимания органами государственной власти о применении своих полномочий по ограничению прав личности, при совершении рассматриваемых деяний.

Ключевые слова: неправомерные ограничения правового статуса личности, преступления экстремистской направленности, судебные органы, органы исполнительной власти.

Pikina Tatiana Vladimirovna, Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia

UNLAWFUL RESTRICTIONS ON LEGAL STATUS IN THE PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA WHEN QUALIFYING ACTS OF EXTREMIST ORIENTATION

Abstract: in the article, the author examines the practice of applying the norms of modern legislation by public authorities, in terms of restrictions on legal status. In the course of his research, using the example of the consideration of legislation regulating the onset of responsibility for extremist crimes, the author gives arguments indicating the need for precise consolidation in the law of the definition of "extremism", the motive and goals of extremist crimes. These innovations are necessary for the unity of understanding by public authorities about the use of their powers to restrict the rights of the individual when committing the acts in question.

Keywords: unlawful restrictions on the legal status of a person, extremist crimes, judicial authorities, executive authorities.

Современный период характеризуется широким использованием интернета и цифровых технологий. Эти неотъемлемые элементы современной жизни ускоряют процессы обмена информацией, не только во благо человечества, но и являются благоприятной средой для распространения преступной деятельности, создавая новые угрозы безопасности для государства. Такая безусловная свобода, которую предоставляют современные технологии, нуждается в законном регулировании, но информация распространяется с такой скоростью, что законодатель не успевает вовремя и адекватно реагировать на новые реалии.

В связи с возникновением новых угроз и необходимостью регулирования мер государственного принуждения, которые бы препятствовали распространению этих угроз, представляется актуальным рассмотрение вопросов ограничения правового статуса личности. Рассмотрение оснований

ограничения правового статуса необходимо для гармоничного развития отношений между государством, обществом и личностью. Формирование представлений об ограничении правового статуса, закрепленные на уровне нормативного правового акта, будут основой для поддержания политики государства, направленной на защиту прав граждан от неправомерных ограничений.

Большая роль по обеспечению и защите законных прав и интересов личности возлагается на органы исполнительной власти. Как отмечает С.С. Алексеев «В демократическом государстве силовые органы власти необходимы для того, чтобы любой человек был защищен от произвола и насилия, ощущал свое достоинство, выступал как полноправный партнер государства» [6, с.30]. Не смотря на законную деятельность органов исполнительной власти, остаются не урегулированы законодателем некоторые ограничения права. Ограничения права, прописанные в законе, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации, имеют четкие границы, но есть отдельные нормативные правовые акты, где законодатель четко не сформулировал понятия, по которым осуществляет ограничения. Такие ограничения принято называть неправомерными.

Например, формулировка преступления экстремисткой направленности должна содержать указание на мотив и цель совершения преступления. На это прямо указывает Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] (далее – ФЗ о противодействии экстремизму). Статья 280 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) дает нам понять, что мотив и цель не являются составообразующими признаками противоправного деяния, связанного с призывами к осуществлению экстремисткой деятельности. Отсутствие цели и мотива в УК РФ способствует криминализации деструктивных деяний. Такой уточняющий принцип между УК РФ и ФЗ о противодействии экстремизму может способствовать нарушению прав и свобод личности, так как применение такого рода норм закона требует опыта в квалификации противоправных деяний

и применении норм уголовного закона в соответствии с сущностью, которую усматривает законодатель. В качестве примера, воздействия юридико-технических недостатков в законе рассмотрим приговор Центрального районного суда города Тюмени от 4 апреля 2013 года по уголовному делу № 1-83/2013 [7].

Согласно материалам дела, некий К., опубликовал в местной прессе утверждения, которые дискредитировали ислам и оскорбляли чувства верующих мусульман. Постановляя приговор, суд отметил, что «отрицательное отношение к религии, ее неприятие в любых формах способно сформировать враждебность в обществе, отрицательное отношение атеистов к верующим и наоборот, может оскорбить верующих и, в принципе, породить межрелигиозную рознь». Н.С. Солопова отмечает, что «атеизм, таким образом, был признан судом в качестве мотивации экстремизма» [5, С. 24]. В итоге автор считает, что атеизм был признан судом, хотя, суд руководствовался защитой чувств верующих и необходимостью защиты конституционных прав. Дабы не допустить искривления в понимании истинных призывов к совершению экстремистки действий необходимо улучшить конструкцию взаимодействия уголовного закона и законов, по отдельным отраслям.

Другой автор Н.С. Гордеев, анализируя данный судебный акт, отмечает: «В результате обозначенного подхода именно в судебной практике впервые стало часто указываться на верующих, чувства которых могут «по-особенному» оскорбляться. Вызывает также удивление что суд, говоря об отрицательном отношении атеистов к верующим, в качестве последствия указывает «межрелигиозную рознь» [4, 123].

Мотив противоправного деяния экстремистского характера по статье 282 УК РФ не установлен. Что и порождает неправильное толкование основной сути уголовного закона и дискредитирует законодателя и органы правосудия. Если двигаться по применению существующей конструкции, возможно, прийти к абсурду, а именно к тому, что сама реализации конституционного права вдруг будет признана актом экстремизма. С.В. Розенко, справедливо заметил, что мы

и наблюдаем «казуистичность и бессистемность законодательного подхода при криминализации указанных посягательств» [3, 76] – говоря о преступлениях экстремистской направленности.

В этой связи стоит обратить внимание и на отсутствие четкого определения, что понимается под экстремизмом, что в некоторых случаях ставит органы исполнительной власти в позицию самостоятельно квалифицировать и давать оценку преступным деяниям без четкой опоры на законодательную базу. Конечно отсутствие четкого определения «экстремизм» может обусловлено современными тенденциями на появление новых форм и методом выражения указанной противоправной деятельности, но совершенно справедливо наше мнение о том, что законодатель и суд должны обобщать имеющуюся практику, давать четкие пояснения и понятия для совершенствования существующих деструктивных юридических конструкций.

Итак, в ФЗ о противодействии экстремизму существует только перечень действий, что понимается под экстремистской деятельностью. Перечисленные действия отражают совокупность действий совершения противоправных деяний экстремистской направленности, но не отражают способы их совершения. Определение экстремизма, может содержать информацию о цели и мотивах совершения рассматриваемых деяний. Отсюда возникают противоречия в судебной практике и потребность органов исполнительной власти в экспертной оценке, за которой они вынуждены обращаться в научно-исследовательские и другие компетентные учреждения образования.

Сложившаяся ситуации также дает возможность бездействовать исполнительным органам власти, так как отсутствует четкое понимание и экстремистских действиях.

Так, весной 2011 года в социальной сети "ВКонтакте" появились фотографии сына вице-губернатора Краснодарского края Е. Громыко - Вадима Евгеньевича Громыко в эсэсовской форме. В социальной сети поднялась буря возмущенных пользователей однозначно посчитавших, что имела место пропаганда фашизма. Тем не менее, прокуратура Выселковского района

Краснодарского края посчитала, что такой способ деятельности элитного отпрыска – шутка, и что привлечь к ответственности следует не данное лицо, а средства массовой информации (т.е. газеты, напечатавшие фото В. Громыко в эсэсовской форме). С точки зрения прокуратуры именно газеты «демонстрируют форменное нацистское обмундирование; а о том, на ком оно было надето - ни слова» [5, С. 55]¹. Дело дошло до Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Общественный совет по применению законодательства Российской Федерации в средствах массовой информации Роскомнадзора принял решение: «Редакция СМИ не должна нести ответственность за публикацию изображения нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой, если редакция не преследовала при этом цели пропаганды идей нацизма, а использовала эти изображения для усиления эмоционального восприятия публикуемого материала, главной целью которого является осуждение нацизма и фашизма» [8].

Таким образом, любой способ действия в рамках рассматриваемого нами закона, может привести как к негативной, так и позитивной оценке деяний в сфере экстремизма. Полагаем, что неправомерные ограничения правового статуса личности связаны с отсутствием четкого разграничения таких явлений как фашизм и нацизм. В действующем законодательстве такое разграничение отсутствует. Терминологическая нечеткость понятий приводит правоприменителя к необходимости самостоятельного определения указанных выше понятий. Так, в ст. 354.1 УК РФ содержится понятие «нацизм», но в диспозиции статьи отсутствует его определение.

Неправомерное ограничение правового статуса прослеживается не только в рассмотренных нами правоотношениях, но и в других сферах деятельности государства, например в сфере культуры, средств массовой информации. По нашему мнению, в применении таких норм кроется бланкетность, это

¹ См.: Солопова Н.С. Указ. соч., с. 55.

обуславливается тем, что при решении вопроса о защите нравственности общества, мнение о нравственности или безнравственности остается за органом исполнительной власти. Так же на органы исполнительной власти возложено принятие решения об интересах общества (см., например, национальные проекты 2012-2022 гг.) и определять в чем интересы конкретного лица. В юридическом пространстве, государство должно определять масштабы таких интересов, так как именно от интересов общества, личности зависят последующие ограничения правового статуса личности и если таких интересы и цели общества не определены государством, то и ограничения по своей сущности не имеют правовой природы.

Список литературы и источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ // ИПС «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; 2006, № 31, ст. 3447; 2013, N 27, ст. 3477; 2014, № 26, ст. 3385; 2015, № 1, ст. 58; № 10, ст. 1393.
3. Гордеев Н.С. Аргументация в судебных решениях по «экстремистским делам» как показатель правовой культуры правоприменителя // Правовая культура. 2016. №2. С. 76.
4. Розенко С.В. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 123.
5. Солопова Н.С. Некоторые проблемы преодоления деструктивного характера творчества в молодежной среде // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 2. С. 24, 55.
6. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / С.С. Алексеев, С.И. Архипов, В.М. Корельский [и др]. М.: Норма, 2004. С. 245.

7. Приговор Центрального районного суда г. Тюмени от 04.04.2013 по уголовному делу № 1-83/2013 // Доступ с официального сайта Центрального районного суда г. Тюмени: URL: https://centralny--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8650408&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.10.2022).
8. Новая газета [Электронный ресурс]. <https://www.novayagazeta.ru/2017/01.1171093-post-sdan> (дата обращения: 19.08.2022).